

Информация для цитирования:

Ростовцев Е. А. Модели диссертационной защиты от пореформенного университета к советскому (на примере Санкт-Петербургского университета) / Е. А. Ростовцев, И. В. Сидорчук // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 452—472. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-452-472.

Rostovtsev, E. A., Sidorchuk, I. V. (2023). Models of Dissertation Defense: From Post-Reform University to Soviet Era (Case of Saint Petersburg University). *Nauchnyi dialog*, 12 (10): 452-472. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-452-472. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-452-472

Модели диссертационной защиты от пореформенного университета к советскому (на примере Санкт-Петербургского университета)

Ростовцев Евгений Анатольевич ^{1,2}
orcid.org/0000-0002-5833-448X
доктор исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник, профессор
eugene.rostovtsev@gmail.com

Сидорчук Илья Викторович ^{1,2*}
orcid.org/0000-0001-9760-2443
кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник,
* *корреспондирующий автор*
chubber@yandex.ru

¹ Национальный исследовательский
Томский государственный университет
(Томск, Россия)

² Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 23-18-00048,
<https://rscf.ru/project/23-18-00048/>

Models of Dissertation Defense: From Post-Reform University to Soviet Era (Case of Saint Petersburg University)

Evgeny A. Rostovtsev ^{1,2}
orcid.org/0000-0002-5833-448X
Doctor of History, Associate Professor
Leading Researcher, Professor eugene.
rostovtsev@gmail.com

Ilya V. Sidorchuk ^{1,2*}
orcid.org/0000-0001-9760-2443
PhD in History, Associate Professor,
Senior Researcher,
* *Corresponding author*
chubber@yandex.ru

¹ Tomsk State University
(Tomsk, Russia)

² St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-18-00048,
<https://rscf.ru/en/project/23-18-00048/>

© Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В исследовании рассмотрена проблема получения ученых степеней в предреволюционной России, что являлось неотъемлемой частью научной инициации, позволявшей войти в число представителей интеллектуальной элиты страны. Целью настоящей работы является определение соотношения социально-политического, корпоративного и научного элементов в формировании дискурса научного диспута. Для анализа в настоящей статье привлечены данные, прежде всего касающиеся Санкт-Петербургского университета, который являлся ведущим центром деятельности российских ученых. В частности, привлекались неопубликованные материалы протоколов заседаний Совета университета, журналов публичного собрания различных факультетов, фонда управляющего Санкт-Петербургским учебным округом, где содержится информация о планировавшихся диспутах. Авторы приходят к выводу о том, что было целых восемь формальных препятствий, которые должен был преодолеть кандидат на пути к получению степени. Ключевым был допуск к публичной защите, который носил закрытый характер, будучи внутрикорпоративным делом, к которому не допускались ни сам кандидат на степень, ни власть, ни общество. Публичная защита диссертации имела значение скорее в качестве социально важного обряда корпоративной инициации, демонстрирующего общественное значение корпорации.

Ключевые слова:

история высшей школы; Петербургский университет; защита диссертаций; университетская культура; история науки; антропология науки.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the issue of obtaining academic degrees in pre-revolutionary Russia, a process that was an integral part of scientific initiation, allowing individuals to enter the ranks of the country's intellectual elite. The aim of this paper is to determine the interplay between socio-political, corporate, and scientific elements in shaping the discourse of academic disputation. The analysis presented herein draws upon data primarily concerning Saint Petersburg University, which was a leading center for Russian scholarly activity. Specifically, this research utilizes unpublished materials from the minutes of the University Council meetings, journals of public assemblies of various faculties, and archives managed by the Saint Petersburg educational district, containing information on planned disputes. The authors conclude that there were eight formal obstacles a candidate had to overcome in the pursuit of a degree. The key hurdle was access to the public defense, which was a closed affair, being an internal corporate matter that excluded not only the degree candidate but also external authorities and society at large. The public defense of a thesis served more as a socially significant rite of corporate initiation, demonstrating the public importance of the corporation.

Key words:

history of higher education; Saint Petersburg University; dissertation defense; university culture; history of science; anthropology of science.

Модели диссертационной защиты от пореформенного университета к советскому (на примере Санкт-Петербургского университета)

© Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В., 2023

1. Введение = Introduction

Одной из центральных тем *university studies* является исследование европейской и российской интеллектуальной элиты. Она даже получила название «манدارинов». Это понятие в таком контексте в современную историографию (со ссылкой на Макса Вебера) ввел немецкий ученый Фриц Рингер в своей знаменитой книге «Закат немецких мандаринов» (1969) [Рингер, 2008]. Сам термин, по его мнению, должен был напоминать о китайской элите образованных чиновников. В рамках этой парадигмы академическая (прежде всего, университетская) элита является привилегированной социальной кастой, формирующейся на определенном этапе социального развития, в эпоху, когда старая аристократическая элита уже не может одна быть опорой монарха, а акторы новой индустриальной эпохи (политические партии, богатые предприниматели, менеджеры и технократы, промышленные рабочие и пр.) еще недостаточно сильны, чтобы с успехом претендовать на власть, попросту игнорируя «претензии» культурной элиты. Эта тема давно рассматривается применительно к исследованиям по антропологии российской науки второй половины XIX — начала XX веков [Александров, 2002; Ростовцев, 2010; Свешников, 2016]. В то же время в рассуждениях о «русских мандаринах» речь традиционно идет об особой социальной группе с точки зрения жизненных ценностей, а так называемая «профессорская культура» представляется порождением европейского влияния, своеобразной западной субкультурой в российской «полудикой» народной среде [Горин, 1996]. Одним из непременных условий вхождения в ряды научной элиты, успешной карьеры в университетском сообществе являлось обретение ученой степени.

Актуальность исследования определяется не только высокой ролью академического ученого сообщества в как научном, так и общественно-политическом развитии страны в предреволюционный период, но и современным вниманием к богатейшему наследию его виднейших представителей. В фокусе настоящего текста находится поиск ответа на исследователь-

ские вопросы, которые ранее в таком контексте не изучались. Что означали защиты в мире «мандаринов»? Каково соотношение социально-политического, корпоративного и научного элементов в формировании дискурса научного диспута? Как строился ритуал защиты в социальном аспекте?

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Заявленные задачи потребовали обращения как к проблематике регулирования процедуры подготовки и защиты диссертаций, так и к области антропологии науки, учитывающей социальный и культурный контексты научного познания, а также устремляющей внимание на сложный процесс складывания и функционирования ученой корпорации, самоидентификацию и ценностные ориентиры ее членов. В рамках решения отдельных задач исследования целесообразным стало обращение к положениям теории структурных изменений в науке Т. Куна, позволяющей исследовать психологические и социокультурные факторы в деятельности отдельных ученых и исследовательских коллективов. Также конструктивным стало обращение к социологии науки, в частности, к концепции «науки в действии» Б. Латура, которая позволяет проследить путь социализации научного познания.

Историография заявленной темы в первую очередь связана с фундаментальными работами А. Е. Иванова [Иванов, 2016], Н. Н. Алеврас и Н. В. Гришиной [Диссертационная культура..., 2022; Алеврас, 2015; Алеврас, 2014 и др.], Е. А. Вишленковой [Вишленкова, 2013] и других исследователей, в которых подробно рассмотрено законодательное регулирование процедуры защит в различные исторические периоды, их ход, значение в формировании и поддержании научной культуры и академических традиций, приведены яркие примеры из научных биографий ряда отечественных ученых. Ряд исследований посвящен историческим особенностям диссертационных исследований по отдельным научным областям [Лоба и др., 2012; Евдокименкова и др., 2021]. Внимания удостоиваются защиты виднейших ученых, вопросы законодательства и нормативных сторон защиты диссертации, см., например: [Казначеев и др., 2006]. Интересны и перспективны попытки рассмотрения процедуры защиты в контексте антропологии науки, согласно положениям которой это классический обряд инициации — «отделения» и «включения», а процесс присуждения ученой степени «имеет символическую эффективность, которая реально изменяет человека, проходящего освящение» [Ульянова, 2017].

Для анализа в настоящей статье привлечены данные, прежде всего касающиеся столичного Санкт-Петербургского / Петроградского университета, который, наряду с Московским университетом и Академией наук, являлся ведущим центром деятельности российских «мандаринов».

В качестве основных источников использовались неопубликованные материалы протоколов заседаний Совета университета, журналов публичных собраний различных факультетов, архивного фонда управляющего Санкт-Петербургским учебным округом, где содержится информация о планировавшихся диспутах. Среди опубликованных источников стоит выделить периодические издания («Биржевые ведомости», «День», «Новая жизнь» и др.), в которых освещались новости о прошедших защитах.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Отбор кандидатов и магистерские экзамены

Уставы 1863 и 1884 годов закрепили законодательно-нормативную систему получения ученых степеней — магистерской (до 1884 года существовала и кандидатская) и докторской. В январе 1864 года было утверждено новое «Положение об испытаниях на ученые степени». Оно оговаривало основные обязательные составляющие процедуры. Например, присутствие не менее двух оппонентов и публичность защиты, а также возможность в случае наличия признанных достижений получить докторскую степень минуя магистерскую [Алеврас и др., 2014, с. 78—79]. В литературе объясняют характер российского законодательства, устанавливающего, пожалуй, самые жесткие в Европе правила обретения научных степеней, тем, что власти видели в системе защит на ученые степени один из инструментов образовательной и культурной политики, с помощью которого правительство реализовывало свои планы превращения России в ведущую европейскую державу, элита которой отвечала бы соответствующим культурным и образовательным требованиям [Сандерс, 2012]. В качестве объяснения правительственной политики такие заключения кажутся справедливыми. Парадокс заключался в том, что на практике эта система не только способствовала становлению корпоративной идентичности российской профессуры, но и являлись важным фактором формирования независимой от власти интеллектуальной элиты.

Обряд инициации нового члена корпорации начинался с процедуры «оставления при университете» «для подготовки к профессорскому званию», то есть для написания магистерской диссертации. Этот ключевой момент в жизни будущего корпоранта был, прежде всего, связан с позицией профессора соответствующей кафедры, на которой оставался магистрант. Надо отметить, что лишь незначительное число окончивших российские университеты в 1880—1910-е годы (в среднем 1—2 %) оказывались «оставленными», срок магистратуры составлял два года, но мог быть продлен по ходатайству совета факультета и университета. Как правило, на оставление при университете мог претендовать только выпускник, получивший степень кандидата (а начиная с 1888 года диплом «первой сте-

пени»); по этим формальным, но негласным соображениям желающим продолжить занятия наукой, но не получившим искомого диплома, иногда приходилось искать счастья в других университетах [Ростовцев, 2017, с. 316—349; НИОР РГБ, ф. 131, к. 32, д. 39, л. 1—1 об.]

Защита магистерской диссертации предвлялась экзаменами. В 1864 году было введено 39 испытательных разрядов наук. Программа экзаменов составлялась экзаменаторами во многом индивидуально, и от претендента требовалось продемонстрировать высокий уровень знаний, превышающий университетскую программу. В этом была их основная сложность: представления об объеме требуемых знаний были весьма размытыми, и итог их сдачи принципиально зависел от расположения экзаменаторов [Иванов, 2016, с. 341, 368, 371—372]. В ряде случаев речь шла не просто о проверке знаний, а об оценке уровня исследовательской работы претендента на ученую степень. Зачастую профессора отказывались принимать к защите работы у тех, кто сдавал экзамены в других университетах и, таким образом, не прошел соответствующей профессиональной проверки, в особенности в случаях, когда речь шла о молодых, начинающих ученых. По воспоминаниям профессора А. А. Иностранцева, он отказывался принимать к защите диссертации у тех, кто предварительно не сдавал ему экзамен, поскольку «главные вопросы экзамена были направлены на темы, о которых уже раньше у экзаменуемого были работы» [Профессор..., 2014, с. 139]. В этом контексте понятно и то особое значение, которые приобретали экзамены тогда, когда их сдавал питомец другого университета. В таких случаях факультет, как правило, был особенно внимателен к соискателю. В качестве примера можно указать на Г. В. Вернадского (выпускника историко-филологического факультета Московского университета), который осенью 1912 года — весной 1913 года сдавал экзамены в Санкт-Петербургском университете. Несмотря на свою принадлежность к «высшей интеллигенции» по происхождению и кругу общения, никаких скидок претендент не получил и экзаменационный марафон стал для него непростым испытанием [Дворниченко, 2013а; 2013б, с. 137].

Принципиальная важность магистерских экзаменов в глазах научного сообщества была обусловлена еще и тем, что их успешная сдача согласно нормам Университетского устава 1884 года открывала дорогу к приват-доцентуре. Как правило, сдача экзамена проходила «в заседании» соответствующего факультета и носила неформальный характер, а председателем являлся декан. Такая процедура не просто являлась знакомством членов корпорации с магистрантом, но и способствовала его включению в академическое сообщество. Важен был не столько формальный результат экзамена, сколько то впечатление, которое производил магистрант на профессоров.

Яркий пример такого рода — магистерские экзамены, которые в 1915 году сдавал на факультете восточных языков С. Г. Елисеев, чьи ответы произвели такое впечатление на членов факультета, что открыли молодому ученому дорогу в элиту петроградских ориенталистов [Reischauer, 1957, p. 18—19]. Разумеется, не во всех случаях неформальный результат экзаменов создавал такую научную репутацию. Однако, как свидетельствуют архивные материалы, типичная ситуация в формальном отношении для соискателей была благоприятной. Протоколы, фиксирующие процедуру устного испытания, которому подвергались претенденты на степень магистра, содержат стандартные записи, например: «В собрании историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета января 29-го дня 1911 года Петр Семенович Коган был подвергнут устному испытанию на степень магистра из средневековой истории. Был предложен вопрос: “Просветительское движение в эпоху Карла Великого, его главные интересы и деятели”. Ответы признаны удовлетворительными». Вопросы было от одного до трех. Далее шли подписи присутствовавших профессоров [ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 16130, л. 17]. В то же время то обстоятельство, что экзамены по своему характеру выходили за рамки проверки знаний и иногда превращались в научный диспут, имело и оборотную сторону (которая в официальной документации не отражалась). Например, широко известен казус известного историка Н. П. Павлова-Сильванского, который отказался передавать экзамен профессору Н. И. Карееву, негативно воспринявшему построения магистранта относительно «русского феодализма» и провалившему его на экзамене в апреле 1895 года [Шапиро, 1933, с. 623; Чирков, 1996, с. 580—581]. Итог этой ситуации известен: один из наиболее крупных историков своего поколения так и не был допущен до защиты диссертации и преподавания в университете.

На этапе магистерских экзаменов ярко проявлялись различия значения этого элемента корпоративной инициации в разных отраслях знания. Как показывают материалы таблицы 1, если для вхождения в число младших преподавателей (приват-доцентов и доцентов) по гуманитарным и социальным дисциплинам (особенно после введения в действие Университетского устава 1884 года) экзамены являлись вполне достаточным условием преподавательской деятельности, то для физико-математического факультета (естественные и точные науки) необходимость ученой степени оставалась ключевой.

3.2. Защита реальная и публичная

Следующий этап магистерской инициации был связан с предоставлением опубликованного текста диссертации в соответствующий факультет. Положение 1864 года также требовало предварительной публикации дис-

Таблица 1

Наличие магистерской / докторской степени у младших преподавателей на момент вступления в должность и по периодам *

Факультет / период		1851—1884	1885—1917
Физико-математический	На момент вступления в должность	85,7 %	76,3 %
	За период	92,5 %	89,8 %
Юридический	На момент вступления в должность	61,5 %	39,8 %
	За период	87,8 %	67,4 %
Восточных языков	На момент вступления в должность	22,5 %	16,7 %
	За период	31,9 %	47,9 %
Историко-филологический	На момент вступления в должность	60,8 %	41,2 %
	За период	80,4 %	69,7 %
По университету	На момент вступления в должность	60,1 %	48,8 %
	За период	75,1 %	73,1 %

* Сост. по: [Ростовцев, 2017, с. 154—175].

сертаций тиражом не менее 300 экземпляров, что многих ставило в затруднительное положение, так как вело к существенным финансовым затратам (поэтому очень важным было получить поддержку для издания со стороны корпорации). На факультет претендент предоставлял curriculum vitae и (хотя не всегда) напечатанные основные положения своей работы [ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 16180; д. 14490]. После этого шло обсуждение работы на факультете с последующим предоставлением заключения. Одним из профессоров готовился письменный отзыв — «письменный разбор» [Диссертационная культура..., 2022, с. 149—151]. Вероятно, это заключение не особенно оспаривалось коллегами, во всяком случае, в факультетских протоколах дискуссии и споры не отражались. При этом оно могло быть отрицательным, хотя это случалось и не часто [Там же, с. 151].

Этот этап был одним из самых сложных и определяющих для последующей судьбы соискателя. Причин для отрицательной оценки работы и ее недопущения к защите могло быть множество, начиная от низкого качества диссертации, личных конфликтов и заканчивая чрезмерной новизной и оригинальностью выводов, не принимаемых консервативными старшими коллегами [Иванов, 2016, с. 435—437]. По негласной традиции, как прави-

ло, при принятии решения о допуске диссертации к защите определяющей была позиция наставника-профессора, который выступал одновременно и как основной оппонент своего ученика [Скворцов, 2010]. Поэтому в тех случаях, когда бывший воспитанник корпорации «проявлял характер» и вступал в напряженные отношения с бывшими учителями, наиболее простым выходом для него была защита в другом университете. Так, например, по этой причине известный петербургский биолог К. Н. Давыдов обе свои диссертации (магистерскую в 1909 году и докторскую в 1915 году) защищал в Московском университете [Бляхер, 1963, с. 66—69, 74—76]. Аналогичная ситуация сложилась с не менее известным столичным химиком (будущим академиком) приват-доцентом В. А. Кистяковским, магистерская диссертация которого в 1896 году не была принята к защите физико-математическим факультетом и который был вынужден обе диссертации защищать в Москве [Фигуровский и др., 1967, с. 3—38, 50].

При этом назначенные рецензенты могли еще до официального рассмотрения советовать претенденту забрать работу в случае, если она, с их точки зрения, была неудачной. Именно так случилось с историком А. И. Барбашёвым, которому об этом сообщили С. Ф. Платонов и В. Г. Васильевский [Диссертационная культура..., 2022, с. 151—153]. Встречались отказы и по политическим мотивам: работа М. Я. Герценштейна, который представил ее в совет Новороссийского университета в 1881 году, была отклонена за «социалистические тенденции» [Иванов, 2016, с. 443]. Впрочем, спустя некоторое время соискатель мог успешно защититься в другом университете. Разногласия «демократа» В. И. Семевского из Санкт-Петербургского университета с его учителем «консерватором» К. Н. Бестужевым-Рюминым послужили основанием для отказа историко-филологического факультета В. И. Семевскому в принятии диссертации к защите и опять-таки к ее вынужденному переносу в Московский университет [Иванов, 1994, с. 155—157].

Подготовленные отзывы были сравнительно краткими, буквально несколько страниц. Тем не менее, в условиях отсутствия протоколов публичной защиты, они дают важную информацию о том, какие достоинства и недостатки работы выделялись, тем более что авторы отзывов часто были и официальными оппонентами на защите. В частности, так было в случае с М. А. Островской (первая женщина, удостоенная степени магистра в российском университете). Отзыв готовил А. Е. Пресняков, а С. Ф. Платонов дополнил его пришедшими ему в голову краткими критическими замечаниями и соображениями. Отметим, что основное содержание этих дополнений со стороны тогдашнего декана составляла критика представленного к защите труда, например: «...читать книгу г-жи Островской

трудно и порою досадно: она не дает правильного понятия о литературе предмета, об эволюции научных представлений и затрудняет для читателя определение места самой г-жи Островской в сонм ее предшественников и сотрудников по изучению взятой ей темы. Если присоединить к этому некоторое несовершенство корректуры, то получим право сказать, что книга г-жи Островской — тяжелая книга». Впрочем, в заключение от отметил богатство научного материала, самостоятельность наблюдений и свежесть выводов, что, по его мнению, давало ей право быть допущенной к публичному диспуту [ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 16180, л. 27—31]. Данный этап защиты вызывал критику у ряда современников. Известна в данном случае статья профессора Казанского университета Г. Ф. Шершеневича «О порядке приобретения ученых степеней» 1897 года. В ней он указывал на очевидную странность: рассмотрение факультетом не являлось открытым, даже диссертант на ней не присутствовал и не мог на нем отстоять свою точку зрения [Шершеневич, 1975]. Протоколы заседаний факультетов не публиковались, никаких объяснений по поводу своего решения профессора давать обязаны не были.

После факультетского заключения наступал следующий этап — объявление о часе и дне защиты, которое публиковалось в газетах. В 1910-х годах это правило уже не всегда соблюдалось [Иванов, 2016, с. 454]. Обязательно диссертация отправлялась в Министерство народного просвещения и попечителю учебного округа, остальное — по желанию. Попечителю округа отправлялось и приглашение от ректора, например: «Имею честь довести до сведения Вашего Превосходительства, что в воскресенье 18 сего марта, в I час дня, в одной из университетских зал приват-доцент Императорского С.-Петербургского университета М. А. Курчинский будет публично защищать диссертацию под заглавием: “Городские финансы. Эволюция налоговой системы в городах Пруссии в конце XIX и начале XX века (1870—1910 годы)”, представленную им для получения степени магистра финансового права. Официальными оппонентами на сем диспуте будут профессор П. П. Мигулин и приват-доцент В. Н. Твердохлебов» [ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 13150, л. 9].

Преодолев все эти этапы, диссертант выходил на диспут — публичную защиту своей работы. С ростом числа защит протоколы стали очень краткими, что, к сожалению, не позволяет восстановить все содержание многочасового процесса. Лишь некоторые из них фиксировались в неофициальном порядке, как, например, магистерская защита В. О. Ключевско-го. Надо отметить, что история российских университетов дореволюционного периода практически не знает случаев отклонения диссертации на публичной защите. В чем же в этом контексте заключалось ее значение?

Правило публичности защиты было установлено еще в начале XIX века, с первых российских университетских уставов. Некоторые ограничения действовали с 1849 года до Положения об ученых степенях 1864 года. Введение мер, фактически шедших вразрез с действовавшим уставом, было связано с небольшими беспорядками на защите Т. Н. Грановского, когда студенты бросили несколько хлопушек в честь профессора и в целом шумно вели себя. Согласно «высочайшему» повелению во избежание беспорядков на диспуты стали допускать только лиц, «известных университетскому начальству, и не иначе, как по билетам». Постепенно публичность начала возвращаться уже после смерти Николая I, а окончательно допуск на них всех желающих был разрешен в 1864 году. В пореформенный период защита подразумевала гласность, возможность участия сторонней публики. Диспуты являлись важным событием не только в жизни университета, но и города, особенно если речь шла об известных и популярных ученых. Можно отметить, что публика вела себя отнюдь не сдержанно, могла громко выражать поддержку, освистывать оппонентов, выкрикивать комментарии. Нередко интерес к защите подогревала пресса, особенно если она планировалась скандальной. Председательствовал на защите декан, который следил за порядком и направлениями прений, публично объявлял о решении [Иванов, 2016, с. 456—458].

Итоги защиты фиксировались в журнале публичного собрания факультета и содержали основные данные о событии, например: «В сем собрании приват-доцент Императорского С.-Петербургского университета М. Д. Приселков публично защищал диссертацию под заглавием: “Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII веков СПб., 1913 г.”, представленную им для получения степени магистра русской истории. Официальными оппонентами на сем диспуте были г.г. профессора А. А. Шахматов, С. Ф. Платонов и И. Д. Андреев. Защищение диссертации признано удовлетворительным. Определено удостоить приват-доцента М. Д. Приселкова степени магистра русской истории». Далее шли подписи декана и других присутствовавших профессоров [ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 16180, л. 4]. Или другой пример, уже из истории физико-математического факультета: «Журнал публичного собрания Физико-математического факультета Императорского С.-Петербургского университета. 14 мая 1910 года. В сем собрании хранитель Анатомо-гистологического кабинета Д. К. Третьяков публично защищал диссертацию под заглавием “Мозг пескоройки. С.-Петербург. 1910 г.”, представленную им для получения степени магистра зоологии. Официальными оппонентами на сем диспуте были г.г. профессора А. С. Догель и В. М. Шимкевич. Защищение диссертации признано удовлетвор[ительным]. Определено: удостоить хранителя Анатомо-Гисто-

логического кабинета С.-Петербургского университета Д. К. Третьякова степени магистра зоологии и представить об этом Совету Университету». Далее следовали подписи [ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 15113, л. 3].

Говоря о различиях в практике защиты диссертаций в зависимости от дисциплины, можно отметить ряд моментов. Так, исследователи установили, что в целом в дореволюционный период по социогуманитарным дисциплинам защищалось больше диссертаций, чем по естественным наукам [Демина, 2006, с. 121; Евдокименкова и др., 2021, с. 299]. При этом алгоритм выхода на защиту и непосредственно защиты был в основном идентичен в различных научных отраслях, равно как и трудности и подводные камни, подстерегавшие ученого. Например, неофициальные оппоненты и даже оппоненты из числа неформальных научных руководителей (такого формального статуса в дореволюционный период не существовало) могли критиковать диссертацию куда сильнее, чем сторонние официальные оппоненты [Демина, 2006, с. 124]. Также отмечается, что защита была далеко не рядовым явлением. А. Ф. Иоффе, подводя итог развития развитию физики за 30 лет после революции, писал, что «защита магистерской и в особенности докторской диссертации была редким событием в дореволюционной России» [Иоффе, 1947, с. 467]. Если говорить об особенностях, то можно отметить меньший отклик на диспут по естественным наукам публики, хотя некоторые защиты физиков или химиков могли собирать полные аудитории. Традиционным отличием, сохраняющимся и до наших дней, был меньший объем самого диссертационного исследования и число ссылок. Вероятно, и в естественнонаучных областях, и в юридических более актуальной была проблема нехватки специалистов по теме защищавшейся работы, что вело к приглашению в качестве оппонентов тех, кто не обязательно был в достаточной степени компетентен. Одновременно это вело к складыванию и углублению межпредметных связей [Лоба и др., 2012, с. 183].

Отдельно стоит сказать об откликах на защиты в периодической печати, что было неотъемлемой частью этого важного события и явным свидетельством высокого внимания к науке, фигуре ученого и университету как части общегородской жизни. Новости о прошедших защитах могли быть краткими и сообщать основную информацию — имя диссертанта, оппонентов, место защиты и итоговый результат [Защита диссертаций..., 1914; Защита диссертации..., 1916; Защита диссертации А. П. Поспелова..., 1915]. Так как на защите в прениях мог выступить любой, то эти люди тоже упоминались. В данном контексте достаточно забавно сообщение «Биржевых ведомостей» о защите востоковеда А. К. Самойловича, в котором было сказано, что на ней среди прочих выступил некий «путешественник по Индии Иванов» (возможно речь идет о молодом востоковеде В. А. Иванове (1886—1970) [За-

чита диссертации А. Н. Самойловича ..., 1915]. Другие статьи старались описать атмосферу: «публика встретила это постановление шумными аплодисментами» [Защита М. А. Островской ..., 1914], «при шумных овациях» [Ученый диспут ..., 1918] и пр. Пересказывались похвалы оппонентов, как, например, в случае защиты О. А. Добиаш-Рождественской: «...оба оппонента признали за исследованием высокую научную ценность и подчеркнули ту душевную бодрость и силу, какую проявила диспутантка, отдаваясь научной работе в наше тяжелое время» [Ученый диспут ..., 1918].

Некоторые статьи представляли собой достаточно подробное изложение диспута. В них можно обнаружить замечания оппонентов и мнения, высказанные другими выступавшими. Например, П. Щеголев в заметке в газете «День» о защите М. А. Островской кратко привел содержание речи С. Ф. Платонова. Из нее мы видим, что в отличие от отзыва, представленного на факультет, тот отметил зависимость диспутантки от трудов ее учителя А. Я. Ефименко, а также более подробно раскрыл не только недостатки, но и достоинства работы [Щеголев, 1914].

3.3. Факультативные докторские диссертации

Университетские уставы 1863 и 1884 годов предполагали наличие докторской степени у университетской профессуры. Однако на практике, особенно с расширением числа профессорских магистратур и отменой института штатной доцентуры по Уставу 1884 года, многие известные ученые-гуманитарии долгие годы успешно занимали профессорские кафедры (именуясь «исполняющими должность» экстраординарного или ординарного профессора), оставаясь магистрами (Ф. Ф. Соколов, С. Ф. Платонов, А. И. Введенский, И. М. Гревс, И. Д. Андреев, Ф. А. Браун и др.), а другие, будучи докторами (И. И. Лапшин, А. И. Малейн, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Н. П. Лихачев и др.), в течение длительного времени оставались приват-доцентами. Наглядные данные, отражающие картину с обретением докторской степени профессурой университета, представлены в таблице (табл. 2).

Из приведенной выше таблицы хорошо видно различное значение, придавшееся «второй диссертации» на гуманитарных и физико-математическом факультете. То, что в университетских карьерах, связанных с разными областями знания, роль докторской степени была различной, приводило порой к разногласиям в рядах профессуры. В частности, профессора физико-математического факультета периодически поднимали вопрос по поводу прав «исправляющих должность» профессоров (как отмечено выше, эта «приставка» к должности означала, что у профессора нет докторской степени). Например, при обсуждении правил избрания выборщиков от университета в Государственный совет со стороны физмата на-

Таблица 2

Наличие докторской степени у профессоров Санкт-Петербургского университета на момент вступления в должность и в целом по периодам *

Факультет / период		1851—1884	1885—1917
Физико-математический	На момент вступления в должность	88,9%	85%
	За период	97,1%	93,1%
Юридический	На момент вступления в должность	57,7%	65,6%
	За период	63,2%	76,8%
Восточных языков	На момент вступления в должность	50%	58,8%
	За период	52,4%	64,7%
Историко-филологический	На момент вступления в должность	84,6%	62,5%
	За период	88,2%	74,1%
По университету	На момент вступления в должность	72,2%	69,6%
	За период	77,2%	75,1%

* Сост. по: [Ростовцев, 2017, с. 154—175].

блюдалась попытка ограничить права «исправляющих должность», однако она была решительно отвергнута абсолютным большинством Совета, принадлежавшим к гуманитарным факультетам [РГИА, ф. 733, оп. 154, д. 217, л. 37—38 об.]. В целом приведенные данные показывают, что если защита магистерских диссертаций была фильтром допуска к профессорским и административным позициям в университете в целом, то докторские степени являлись ключевым карьерным фильтром только на физико-математическом факультете. Большинство же политически активных мандаринов трудились на гуманитарных факультетах. В этом смысле значение второй докторской диссертации для столичных мандаринов было факультативным.

3.4. Ликвидация степеней и ее последствия

Все российские университетские корпорации, поддержав события февраля 1917 года, Октябрьский переворот восприняли крайне негативно. Такая позиция была заявлена и Петроградским университетом. Вслед за Академией наук университетская коллегия возлагала все надежды на будущее Учредительное собрание, которое избавит страну от «насильников, захвативших власть»: «Россия не заслужила такого позора: всенародная воля вручает ответственное решение ее судеб Учредительному собранию;

оно обеспечит рост ее культуры и упрочит ее положение в среде просвещенных государств» [ЦГА СПб. ф. 7240. оп. 14. д. 1. л. 111 об.]. В этом контексте нет ничего удивительного в том, что к осени 1918 года уже в полной мере определяются идеологические и «классовые» основания проектируемой большевиками реформы университетов, в задачу которой входит удар по «сановникам» от науки и отказ от системы «привилегий и преимуществ, присвоенных в буржуазном обществе науке», «создавшей из ее представителей сплоченную корпорацию, пропитанную резким кастовым духом» [О реформе..., 1918]. Один за другим принимаются решения, последовательно ограничивающие прежние «права университетов»: декрет СНК об упразднении ученых званий и степеней, новой системе должностей и порядке выборов (1 октября 1918 года), закон, принятый в ноябре того же года ВЦИК под названием «Положение о единой трудовой школе», ряд других [ЦГА СПб, ф. 7240. оп. 14. д. 12. л. 74—75; Fitzpatrick, 1970, p. 68—88]. Основной удар этими решениями наносился по бывшим «мандаринам» — в большинстве своем представителям гуманитарных наук. В частности, эти решения позволили начать смену университетских преподавателей в области социальных и гуманитарных наук. Среди вновь пришедших — «просвещенные» деятели революционного / «освободительного» движения, не имевшие ученых степеней: Н. Н. Андреев, М. С. Балабанов, В. В. Водовозов, В. А. Десницкий, С. Н. Драницын, И. И. Корель, М. К. Лемке, С. К. Минин, О. Г. Лившиц, М. Я. Острогорский, Э. Э. Эссен, Е. А. Энгель и целый ряд других.

4. Заключение = Conclusions

Законодательство и, главное, практика организации защит в российских университетах последовательно выстроили целых восемь формальных препятствий, которые должен был преодолеть кандидат, желающий оказаться в университетской элите: желательное окончание университета с кандидатской степенью (после введения Устава 1884 года — с дипломом 1 степени), оставление при университете, получение стипендии, сдача магистерских экзаменов, подготовка и публикация диссертации (как правило, с помощью университета), допуск к защите, публичная защита на факультете, утверждение в университетском совете. На всех этапах одобрение работы потенциального кандидата зависело от корпоративного решения профессорской коллегии факультета. Ключевым для успеха диссертации был шестой этап (допуск к публичной защите), который носил закрытый характер, будучи внутрикорпоративным делом, к которому не допускались ни сам кандидат на степень, ни власть, ни общество. Публичная защита диссертации имела значение скорее в качестве социально важного обря-

да корпоративной инициации, демонстрирующего общественное значение корпорации. В то же время для естественных и точных дисциплин корпоративная роль защиты была выше, для допуска в круг университетской элиты представителям этих дисциплин требовалась докторская диссертация. Для социальных и гуманитарных наук, теснее связанных с политическим контекстом, более значимую роль играл сам факт допуска в корпорацию (магистерские экзамены) и получение магистерской степени. Так или иначе, обретение ученой степени было тем фильтром, который не допускал в корпорацию (или, по крайней мере, в ее руководящие органы) «чужаков». Революционные перемены осени 1917 года требовали уничтожения профессорского сообщества как особой социальной касты, в этом контексте неизбежностью стала и отмена ученых степеней.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. *Защита* диссертации А. Н. Самойловича // Биржевые ведомости. — 1915. Утренний выпуск. — 19-го января (1-го февраля). — № 14620. — С. 3.
2. *Защита* диссертации А. П. Поспелова // Биржевые ведомости. — 1915. Утренний выпуск. — 30 марта (12 апреля). — № 14753. — С. 4.
3. *Защита* диссертации В. Ф. Шишмарева // День. — 1916. — 7 ноября. — № 307 (1467). — С. 5.
4. *Защита* диссертаций М. Д. Приселкова и О. О. Баклунда // День. — 1914. — 20 января. — № 19 (461). — С. 5.
5. *Защита* М. А. Островской // Копейка. — 1914. — 17 (30) марта. — № 2036. — С. 2.
6. НИОР РГБ — *Научно-исследовательский* отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 131. К. 32. Д. 39. Л. 1—1 об. А. С. Лаппо-Данилевский — В. О. Ключевскому, 22 ноября 1904 г.
7. *О реформе* деятельности ученых учреждений и школы высших ступеней Российской Социалистической Федеративной советской республики. Объяснительная записка // Вестник народного просвещения Союза коммун Северной области. — 1918. — № 6—8. — С. 18—19.
8. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 154. Д. 217. Л. 37—38 об. [Выписка и протокола заседания Совета Санкт-Петербургского университета, 22 сентября 1908 г.].
9. Ученый диспут // Новая жизнь. — 1918. — 23 апреля. — № 74 (289). — С. 3.
10. ЦГА СПб — *Центральный* государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 12. Л. 74—75. От комиссариата народного просвещения, 2 ноября 1918 г., копия; Оп. 14. Д. 1. Протокол экстренного заседания Петроградского университета 26 ноября 1917 г.

11. ЦГИА СПб — *Центральный* государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 139. Оп. 1. Д. 13150. Л. 9. [Письмо ректора Санкт-Петербургского университета Управляющему Санкт-Петербургским учебным округом о диспутах приват-доцента Курчинского и профессора Танфильева (15 марта 1912 г.)]. Ф. 14. Оп. 3. Д. 15113. Л. 3. Журнал публичного собрания Физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. 14 мая 1910 г.; Д. 16130. Л. 17. Протоколы о лицах, подвергавшихся устному испытанию на степень магистра, 1911 г.; Д. 14490. Протоколы заседаний юридич фак-та, 1913—1914 гг.; Д. 16180. Протоколы заседаний ист-фил. фак-та, 1914 г.

12. *Шершеневич Г. Ф.* О порядке приобретения ученых степеней / Г. Ф. Шершеневич // *Химия и жизнь*. — 1975. — № 8. — С. 84—93.

13. *Щеголев П.* Защита диссертации М. А. Островской / П. Щеголев // *День*. — 1914. — 17 марта. — № 74 (516). — С. 2.

Литература

1. *Алеврас Н. Н.* Диссертационная история ученого как событие интеллектуальной биографии российских историков XIX века / Н. Н. Алеврас // *Диалог со временем*. — 2015. — № 50. — С. 218—241.

2. *Алеврас Н. Н.* Диссертационная культура как историографический концепт / Н. Н. Алеврас // *Уральский исторический вестник*. — 2014. — № 4 (45). — С. 111—120.

3. *Алеврас Н. Н.* Диссертация историков и законодательные нормы (1860—1920-е гг.) / Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришина // *Российская история*. — 2014. — № 2. — С. 77—90.

4. *Александров Д. А.* Фриц Рингер, немецкие мандарины и отечественные ученые / Д. А. Александров // *Новое литературное обозрение*. — 2002. — № 53. — С. 90—104.

5. *Бляхер Л. Я.* Константин Николаевич Давыдов / Л. Я. Бляхер. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. — 244 с.

6. *Вишленкова Е.* Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обрела научную и практическую значимость / Е. Вишленкова, К. Ильина // *Новое литературное обозрение*. — 2013. — № 4 (122). — С. 84—107.

7. *Горин Д. Г.* К вопросу о «профессорской культуре» России XIX — начала XX в. / Д. Г. Горин // *Отечественная культура и историческая наука XVIII—XX веков*. Сб. ст. — Брянск : Изд-во Брян. гос. пед. ун-та, 1996. — С. 42—51.

8. *Дворниченко А. Ю.* Г. В. Вернадский и Петербургская историческая школа / А. Ю. Дворниченко // *Клио*. — 2013. — № 10. — С. 88—91.

9. *Дворниченко А. Ю.* From US with love and care : феномен Георгия Вернадского / А. Ю. Дворниченко // *Клио*. — 2013. — № 12. — С. 135—138.

10. *Демина Н. В.* Диссертационные практики в дореволюционной России : публичность как условие научной экспертизы / Н. В. Демина // *Человек. Сообщество. Управление*. — 2006. — № 1. — С. 120—127.

11. *Диссертационная культура* российского историко-научного сообщества : опыт и практики подготовки и защит диссертаций (XIX — начало XX в.) : коллективная монография / Под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной. — Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2022. — 464 с. — ISBN 978-5-4469-1933-8.

12. *Евдокименкова Ю. Б.* «Диссертационная культура» Российской империи : опыт российского химического сообщества / Ю. Б. Евдокименкова, Н. О. Соболева // *Вопросы истории естествознания и техники*. — 2021. — Т. 42. — № 2. — С. 296—322. — DOI: 10.31857/S020596060008747-3

13. *Иванов А. Е.* Ученое достоинство Российской империи. XVIII — начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы / А. Е. Иванов. — Москва : Новый хронограф, 2016. — 656 с. — ISBN 978-5-94881-334-9.
14. *Иванов А. Е.* Ученые степени в Российской империи XVIII в. — 1917 г. / А. Е. Иванов. — Москва : ИРИ, 1994. — 195 с.
15. *Иоффе А. Ф.* Советские физики и дореволюционная физика в России / А. Ф. Иоффе // Успехи физических наук. — 1947. — Т. XXXIII. — Выпуск 4. — С. 453—468.
16. *Казначеев Д. А.* Проблемы законодательства в сфере производства в ученые степени Российской империи / Д. А. Казначеев, А. Н. Якушев // Право и образование. — 2006. — № 3. — С. 162—177.
17. *Лоба В. Е.* Диссертационные исследования по уголовному праву, защищенные в университетах российской империи (1815—1917 гг.) / В. Е. Лоба, Е. В. Сафронова, А. Н. Якушев // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2012. — № 4. — С. 177—183.
18. *Профессор Санкт-Петербургского университета А. А. Иностранцев* / Подготовка текста В. В. Аркадьева, комм. В. А. Прозоровского и И. Л. Тихонова. — Санкт-Петербург : Супервэйв Групп, 2014. — 351 с. — ISBN 978-5-9443-2796-3.
19. *Рингер Ф.* Закат немецких мандаринов : академическое сообщество Германии, 1890—1933 / Ф. Рингер. — Москва : Новое литературное обозрение, 2008. — 645 с. — ISBN 978-5-86793-635-8.
20. *Ростовцев Е. А.* Столичный университет Российской империи : ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX — начало XX в.) / Е. А. Ростовцев. — Москва : Политическая энциклопедия, 2017. — 903 с. — ISBN 978-5-8243-2022-0.
21. *Ростовцев Е. А.* Российские мандарины. Столичная профессура, студенчество и власть в начале XX века / Е. А. Ростовцев // Родина. — 2010. Спецвыпуск. Образование в России : вчера, сегодня, завтра. — С. 47—52.
22. *Сандерс Т.* Третий оппонент : защиты диссертаций и общественный профиль академической истории в Российской империи / Т. Сандерс // Историческая культура императорской России : формирование представлений о прошлом. Коллективная монография в честь профессора И. М. Савельевой. — Москва : Изд-во ВШЭ, 2012. — С. 161—192. — ISBN 978-5-7598-0914-2.
23. *Свешников О. В.* Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба научного сообщества / О. В. Свешников. — Москва : Центр гуманитарных инициатив, 2016. — 420 с. — ISBN 978-5-98712-659-2.
24. *Скворцов А. М.* Подготовка и защита магистерских диссертаций в XIX в. : опыт учеников М. С. Куторги / А. М. Скворцов // Мнемон : Исследования и публикации по истории античного мира. — 2010. — № 9. — С. 451—468.
25. *Ульянова С. Б.* Стратегии построения научной карьеры в контексте антропологии науки / С. Б. Ульянова // Наука в общественном диалоге : ценности, коммуникации, организация. Материалы международной научной конференции. — Санкт-Петербург : Изд-во СПб Политехн. Ун-та, 2017. — С. 159—160.
26. *Фигуровский Н. А.* Владимир Александрович Кистяковский. 1865—1952 / Н. А. Фигуровский, Н. И. Романьков. — Москва : Наука, 1967. — 136 с.
27. *Чирков С. В.* Историк русского феодализма : Николай Павлович Павлов-Сильванский / С. В. Чирков // Историки России. XVIII — начало XX века / Отв. ред. А. Н. Сахаров. — Москва : Скрипторий, 1996. — С. 580—581.
28. *Шати́ро А. Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 года / А. Л. Шапи́ро. — Москва : Ассоц. «Россия», 1993. — 761 с.

29. Fitzpatrick S. The Commissariat of the Enlightenment. Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky. October 1917—1921 / S. Fitzpatrick. — Cambridge : Cambridge univ. press, 1970. — 380 p.

30. Reischauer E. O. Serge Elisseeff / E. O. Reischauer // Harvard Journal of Asiatic Studies. — 1957. — Vol. 20 (Studies presented to Serge Elisseeff, pt. 1). — № 1/2. — Pp. 1—35.

Статья поступила в редакцию 29.10.2023,
одобрена после рецензирования 03.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.

Material resources

Central State Administration of St. Petersburg — *Central State Archive of St. Petersburg. F. 7240. Op. 14. D. 12. L. 74—75. From the Commissariat of Public Education, November 2, 1918, copy; Op. 14. d. 1. Minutes of the emergency meeting of the Petrograd University on November 26, 1917. (In Russ.).*

Defense of dissertations by M. D. Priselkov and O. O. Backlund. (1914). *Day, 19 (461). January 20th. P. 5. (In Russ.).*

Defense of the dissertation of A. N. Samoilovich. (1915). *Birzhevye vedomosti, 14620. Morning edition. January 19th (February 1st). P. 3. (In Russ.).*

Defense of the dissertation of A. P. Pospelov. (1915). *Birzhevye vedomosti, 14753. Morning edition. March 30 (April 12). P. 4. (In Russ.).*

Defense of V. F. Shishmarev's dissertation. (1916). *Day, 307 (1467). November 7th. P. 5. (In Russ.).*

On the reform of the activities of academic institutions and schools of higher education of the Russian Socialist Federative Soviet Republic. Explanatory note. *Bulletin of Public Education of the Union of Communes of the Northern region, 6—8: 18—19. (In Russ.).*

Protection of M. A. Ostrovskaya. (1914). *Kopeyka, 2036. March 17 (30). P. 2. (In Russ.).*

Research Institute of the Russian State Library — *Scientific Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. F. 131. K. 32. D. 39. L. 1—1 ob. A. S. Lappo-Danilevsky — V. O. Klyuchevsky, November 22, 1904. (In Russ.).*

RGIA — *Russian State Historical Archive. F. 733. Op. 154. d. 217. l. 37—38 vol. [Extract and minutes of the meeting of the Council of St. Petersburg University, September 22, 1908]. (In Russ.).*

Scientific dispute. (1918). *New Life, 74 (289). April 23. P. 3. (In Russ.).*

Shchegolev, P. (1914). Defense of the dissertation of M. A. Ostrovskaya. *Day, 74 (516). March 17th. P. 2. (In Russ.).*

Shershenevich, G. F. (1975). On the procedure for acquiring academic degrees. *Chemistry and life, 8: 84—93. (In Russ.).*

TSGIA St. Petersburg — *Central State Historical Archive of St. Petersburg. F. 139. Op. 1. D. 13150. L. 9. [Letter from the rector of St. Petersburg University to the Governor of the St. Petersburg Educational District on the disputes of privatdozent Kurchinsky and Professor Tanfilyev (March 15, 1912)]. F. 14. Op. 3. D. 15113. L. 3. Journal of the Public Meeting of the Physics and Mathematics Faculty of the Imperial St. Petersburg University. May 14, 1910; d. 16130. l. 17. Protocols on persons who were subjected to an oral examination for a master's degree, 1911; d. 14490. Minutes of meetings of the legal faculty, 1913—1914; d. 16180. Minutes of the meetings of the East-phil. fact, 1914. (In Russ.).*

References

- Alevras, N. N. (2014). Dissertation culture as a historiographical concept. *Ural Historical Bulletin*, 4 (45): 111—120. (In Russ.).
- Alevras, N. N. (2015). Dissertation history of a scientist as an event in the intellectual biography of Russian historians of the XIX century. *Dialogue with time*, 50: 218—241. (In Russ.).
- Alevras, N. N., Grishina, N. V. (2014). Dissertation of historians and legislative norms (1860—1920's). *Russian History*, 2: 77—90. (In Russ.).
- Alexandrov, D. A. (2002). Fritz Ringer, German Mandarins and Russian scientists. *New Literary Review*, 53: 90—104. (In Russ.).
- Chirkov, S. V. (1996). The historian of Russian feudalism: Nikolai Pavlovich Pavlov-Silvansky. In: *Historians of Russia. XVIII — the beginning of the XX century*. Moscow: Scriptorium. 580—581. (In Russ.).
- Demina, N. V. (2006). Dissertation practices in pre-revolutionary Russia: publicity as a condition of scientific expertise. *Human. Community. Management*, 1: 120—127. (In Russ.).
- Dissertation culture of the Russian historical and scientific community: the experience and practice of preparing and defending dissertations (XIX — early XX century): a collective monograph*. (2022). Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 464 p. ISBN 978-5-4469-1933-8. (In Russ.).
- Dvornichenko, A. Yu. (2013). From US with love and care: the phenomenon of George Vernadsky. *Klio*, 12: 135—138. (In Russ.).
- Dvornichenko, A. Yu. (2013). G. V. Vernadsky and the St. Petersburg Historical School. *Klio*, 10: 88—91. (In Russ.).
- Evdokimenkova, Yu. B., Soboleva, N. O. (2021). “Dissertation culture” of the Russian Empire: the experience of the Russian chemical community. *Questions of the history of natural science and technology*, 42 (2): 296—322. DOI: 10.31857/S020596060008747-3. (In Russ.).
- Figurovsky, N. A., Romankov, N. I. (1967). *Vladimir Alexandrovich Kistyakovsky. 1865—1952*. Moscow: Nauka. 136 p. (In Russ.).
- Fitzpatrick, S. (1970). *The Commissariat of the Enlightenment. Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky. October 1917—1921*. Cambridge: Cambridge univ. press, 1970. — 380 p.
- Gorin, D. G. (1996). On the question of the “professorial culture” of Russia in the XIX — early XX century. In: *Russian culture and historical science of the XVIII—XX centuries. Collection of art*. Bryansk: Publishing House of the Bryan State Pedagogical University. Unita. 42—51. (In Russ.).
- Ioffe, A. F. (1947). Soviet physicists and pre-revolutionary physics in Russia. *Successes of physical sciences*, XXXIII (4): 453—468. (In Russ.).
- Ivanov, A. E. (1994). *Academic degrees in the Russian Empire of the XVIII century*. Moscow: IRI. 195 p. (In Russ.).
- Ivanov, A. E. (2016). *The scientific dignity of the Russian Empire. XVIII — early XX century. Training and scientific certification of professors and teachers of higher education*. Moscow: Novy Chronograph. 656 p. ISBN 978-5-94881-334-9. (In Russ.).
- Kaznacheev, D. A., Yakushev, A. N. (2006). Problems of legislation in the field of production in the academic degrees of the Russian Empire. *Law and education*, 3: 162—177. (In Russ.).

- Loba, V. E. (2012). Dissertation research on criminal law, defended at universities of the Russian Empire (1815—1917). *Pravo. Journal of the Higher School of Economics*, 4: 177—183. (In Russ.).
- Professor of St. Petersburg University A. A. Foreigners. (2014). St. Petersburg: Supervave Group. 351 p. ISBN 978-5-9443-2796-3. (In Russ.).
- Reischauer, E. O. (1957). Serge Elisseeff. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 20 (1/2): 1—35.
- Ringer, F. (2008). *The Decline of the German Mandarins: the Academic Community of Germany, 1890—1933*. Moscow: New Literary Review. 645 p. ISBN 978-5-86793-635-8. (In Russ.).
- Rostovtsev, E. A. (2017). *Metropolitan University of the Russian Empire: academic class, society and power (the second half of the XIX — early XX century)*. Moscow: Political Encyclopedia. 903 p. ISBN 978-5-8243-2022-0. (In Russ.).
- Rostovtsev, E. A. (2010). Russian mandarins. The metropolitan professorship, studentship and power at the beginning of the twentieth century. *Rodina. Special edition. Education in Russia: yesterday, today, tomorrow*. 47—52. (In Russ.).
- Sanders, T. (2012). The third opponent: dissertations and the public profile of academic history in the Russian Empire. In: *Historical culture of Imperial Russia: the formation of ideas about the past*. Moscow: HSE Publishing House. 161—192. ISBN 978-5-7598-0914-2. (In Russ.).
- Shapiro, A. L. (1993). *Russian historiography from ancient times to 1917*. Moscow: Assoc. “Russia”. 761 p. (In Russ.).
- Skvortsov, A. M. (2010). Preparation and defense of master’s theses in the XIX century: the experience of M. S. Kutorga’s students. *Mnemon: Research and publications on the history of the ancient world*, 9: 451—468. (In Russ.).
- Sveshnikov, O. V. (2016). *Ivan Mikhailovich Greves and the St. Petersburg school of Medievalists of the early XX century. The fate of the scientific community*. Moscow: Center for Humanitarian Initiatives. 420 p. ISBN 978-5-98712-659-2. (In Russ.).
- Ulyanova, S. B. (2017). *Strategies for building a scientific career in the context of the anthropology of science. Science in public dialogue: values, communications, organization. Materials of the international scientific conference*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg Polytechnic University. Unita. 159—160. (In Russ.).
- Vishlenkova, E., Ilyina, K. (2013). About academic degrees and how a dissertation in Russia acquired scientific and practical significance. *New Literary Review*, 4 (122): 84—107. (In Russ.).

*The article was submitted 29.10.2023;
approved after reviewing 03.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.*